

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-687-706

Идея справедливости как социальная «ловушка» для России*

А.З. Черняк, М.Л. Ивлева, А.М. Орехов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: cherniak_az@rudn.ru; ivleva-ml@rudn.ru; orekhov_am@rudn.ru)

Аннотация. Статья подготовлена по итогам участия авторов в работе круглого стола «Справедливость и законотворчество» подпроекта «Этика и право: механизмы взаимовлияния» проекта НИУ ВШЭ «Прикладная этика» в Государственной Думе 1 декабря 2021 года. В статье рассмотрены социальные проблемы, связанные с существованием институтов справедливости, которые условно названы институциональными ловушками (понятие, взятое из экономики). Авторы интересуются, как работают эти «ловушки» в условиях современной России и как можно с ними справиться. В статье анализируется современный дискурс социальной справедливости, который характеризуется разнообразием концепций и широким проблемным полем. Предлагается несколько видоизмененное под цель статьи определение институциональной ловушки — такая комбинация социальных институтов, которая, при попытках ее реального воплощения, приводит к результатам, кардинально отличающимся от предполагаемых при конструировании таких институтов, а зачастую им противоположным. Утверждается, что ловушка возникает, когда институт или комбинация институтов, созданная для обеспечения справедливости определенного вида или в соответствии с конкретной идеей справедливости, порождает наряду со справедливостью или иным сопоставимым по ценности общественным благом явную несправедливость. Это ловушка и для общества, так как его ожидания обмануты, и для государства — оно получает новые социальные проблемы, которые необходимо решать. Выдвигается предположение, что ловушкой институты делают не только то, что они не отвечают задачам, которые государство с их помощью пытается решить, но и то, что социальные ожидания людей в отношении этих институтов сформированы в системе прежних ценностей или унаследованы от нее. Авторы приходят к выводу, что институциональные решения проблемы (создание новых институтов, модернизация существующих) не гарантируют желаемого результата. Необходима единая программа обучения справедливости и милосердию (учитывающая культурные различия), включающая объяснение их принципиального значения для общества и каждого его члена.

Ключевые слова: справедливость; модель справедливости; проект реализации справедливости; институт; институциональная ловушка; эксплуатация; дискриминация; Россия

* © Черняк А.З., Ивлева М.Л., Орехов А.М., 2022

Статья поступила 02.02.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Современный дискурс социальной справедливости характеризуется разнообразием концепций и широким проблемным полем. Тем не менее, в попытках осмыслить данную категорию можно выделить две традиции — антично-средневековую (Платон [15], Аристотель [1], Т. Гоббс [6], Дж. Локк [11], И. Кант [9]) и новоевропейскую, начало которой заложил Дж. Ролз [18], а продолжил Р. Нозик [13]. Оригинальные концепции справедливости предложены в рамках либертарианских (А. Сен [22], М. Нуссбаум [31–32], П. Штомпка [25]) и коммунитаристских (А. Макинтайр [12]) подходов. Отечественная социогуманитаристика представлена трудами Г.Ю. Канарша [8], Б.Н. Кашникова [10], А.В. Прокофьева [18–20], С.С. Гапоненко [5] и др. [7; 14; 17; 23; 26], объединенными проблемой распределительной справедливости и поиском «морально-политических оснований собственного проекта общественного устройства» [8. С. 246]. В качестве сущностной характеристики первой из названных традиций следует отметить понятие блага, вторая связана с понятием права. В анализе роли институциональных и неинституциональных факторов как инструмента гармонизации социальных отношений мы опираемся и на античную культуру со свойственным ей полисным мышлением и признанием необходимости жизни как добродетели, и на конвенциональное понимание справедливости как соглашения между гражданами по поводу взаимного признания прав.

Не ставя задачу обзора теорий справедливости и логики их трансформаций, отметим, что справедливость с древних времен считается важнейшей общественной ценностью. Традиционно за установление и поддержание социальной справедливости отвечают законы и институты, создаваемые для их принятия и исполнения, хотя, конечно, у них есть и другие функции. В современных обществах институты вносят решающий вклад в производство и распределение социально значимых благ. Справедливость не является исключением: разные ее формы обеспечиваются в той или иной степени такими институтами, как суды, выборы, налоги, частная и общественная собственность. Более того, хотя идея обеспечения справедливости как важнейшая функция государства встречается уже в трудах Платона [15] и Аристотеля [1], именно в современном мире справедливость стала одним из важнейших мерил качества и даже успешности государства. Если институты государства не обеспечивают приемлемой для общества меры справедливости в тех сферах, где очевидная несправедливость особенно чувствительна для его членов, и это продолжается длительное время вследствие нежелания или неспособности власти изменить ситуацию, значительно возрастает риск гражданского конфликта, политической нестабильности и т.п.

Самый очевидный источник социальных проблем, связанных со справедливостью, — несправедливые законы и институты, которые могут быть таковыми либо в силу некомпетентности тех, кто их создал, либо в силу определенной расстановки ценностных приоритетов (например, если институты

распределения экономических благ создаются олигархической властью в интересах наиболее богатой части населения). Но даже самый прогрессивный и справедливый «на бумаге» институт может в реальных условиях оказаться далеко не таким социально полезным, как ожидалось. В связи с этим другой обычной проблемой для государства, от которого общество ждет обеспечения того или иного вида и уровня справедливости, является слабость механизмов ограничения неинституциональной несправедливости (в форме коррупции, волонтаризма, правового нигилизма и т.п.), порождаемой конкретными людьми, от которых зависит функционирование института. В обоих случаях институт может стать социальной или институциональной ловушкой как для общества, так и для государства.

Понятие институциональной ловушки было введено в научный оборот и активно используется прежде всего экономистами [см., напр.: 2–4; 30]. Различия в определении этого понятия касаются сущности явления и причин его возникновения. Мы используем в качестве рабочего определение институциональной ловушки, предложенное В.А. Полтеровичем, — неэффективный, но устойчивый институт или норма поведения [16]. Ловушка интересующего нас вида возникает, когда институт или комбинация институтов, созданная для обеспечения справедливости определенного вида или в соответствии с некоей идеей справедливости, порождает наряду с ней или иным сопоставимым по ценности общественным благом явную несправедливость. В интересах государства, в целом заботящегося о справедливости (неважно по каким причинам), не создавать такие ловушки, а если они возникли (что часто трудно предотвратить и предвидеть (1)) — стараться из них выбраться.

Под институциональной ловушкой мы понимаем отдельный институт, закон или социальную практику, комбинацию этих элементов, а также ситуацию, в которой общество и государство сталкиваются с социальными проблемами, возникающими в связи с существованием того или иного института. Институты могут стать ловушкой в плане справедливости в силу внутреннего несовершенства, неудачного подбора исполнителей, изменения условий функционирования, соединения с другими институтами. Так, практически любая система квотирования, призванная минимизировать социальное неравенство, несет в себе предпосылки для несправедливости в виде непропорционального уравнивания, так как предполагает, что представители определенной группы будут иметь привилегии независимо от их способностей, знаний, заслуг, вклада и т.п. В этом случае власть сознательно жертвует одной справедливостью ради другой, что может вызывать недовольство, если у значительной части общества ценностные приоритеты расставлены иначе. Несправедливость или ее предпосылки могут быть заложены в закон или институт непреднамеренно: тогда они обеспечивают некую справедливость или иное не менее ценное общественное благо, а не являются полностью несправедливыми в глазах тех, на кого они распространяются. Например, высокие

пособия для безработных, выделяемые из бюджета государства, могут быть вполне справедливой мерой в условиях, когда большинство безработных остались без работы по независящим от них причинам, но перестать быть таковой, если большинство безработных просто не хотят работать, и работающие должны получать меньше, чтобы оплачивать их лень.

Конечно, существуют разные понятия справедливости: называя один закон или институт справедливым, мы не можем исключить его противоположной оценки кем-то другим. Мы не знаем, существует ли нечто справедливое или несправедливое безотносительно к мнениям людей, и не подразумеваем, говоря о справедливом социальном институте или законе, что он справедлив в абсолютном смысле. Возможно, что справедливое просто не может порождать несправедливость и, соответственно, быть ловушкой. Но в политике и государственном строительстве, если только этим не занимаются философы-идеалисты, определяющее значение имеет относительная справедливость — отраженная в социальных ожиданиях, убеждениях и прочих диспозициях индивидов, поэтому мы концентрируемся на ней.

Не все, что люди создают с благими намерениями или в чем видят пользу для себя, оказывается для них ловушкой. Для таковой характерен не только обман ожиданий тех, кто в нее попал, но и то, что негативная ценность результата перевешивает позитивную ценность «заманивающих» благ. Принимая новый закон, законодатели вполне могут понимать, что его применение будет иметь и некоторые вредные последствия, но он не будет ловушкой, если общественный вред от него не перевесит существенно его ожидаемую или реальную общественную пользу (2). Другой важной чертой ловушки является то, что из нее трудно или невозможно выбраться: элементы социальной системы, делающие ее источником существенной несправедливости, не могут быть устранены или заменены другими в силу своей важной роли. Например, сравнительно демократический институт выборной монархии повлиял на утрату политического единства такими некогда могущественными странами, как Священная Римская империя и Речь Посполитая. В плане справедливости такие процессы обычно сопровождаются усилением правового произвола на местах вследствие ослабления центральной власти.

В современной России можно выделить три группы социальных институтов по происхождению. Одна группа, куда входят, например, бесплатное всеобщее среднее образование, пенсии и льготы, унаследована от СССР. Эти институты создавались как средства обеспечения всеобщего равенства начальных возможностей и справедливого (в социалистическом смысле) распределения благ. Разумеется, они выполняли эту функцию даже в советское время лишь отчасти. Недостаточная эффективность некоторых из них была связана, вероятно, с тем, что идея справедливости, определявшая принцип действия таких институтов, не вполне соответствовала результирующей справедливости. Так, институт пенсий не обеспечивал равенство доходов не-

работающих в силу возраста, потому что пенсии учитывали такие переменные, как профессия, категория работника и трудовой стаж. Можно возразить, что принцип пенсионного обеспечения не был вполне справедливым, так как не соответствовал общепризнанным идеалам меритологической справедливости: стаж, должность и категория работника могут не отражать его вклад в общественное благосостояние, не говоря уже о его нуждах. Но, с другой стороны, перечисленные параметры могут трактоваться как отражающие заслуги перед обществом независимо от вклада (результатов труда) работника. Здесь мы сталкиваемся с проблемой определения справедливости, которая не обязательно влияет на моральную оценку института в конкретном обществе — он может выглядеть как однозначно справедливый или несправедливый, быть однозначно справедливым в одном отношении и несправедливым в другом.

В целом система советских институтов справедливости в конечном счете обернулась обманутыми ожиданиями. Но эти институты не являются ловушками в плане справедливости для современной России, потому что при всех их недостатках и неэффективности в условиях капитализма без них, скорее всего, было бы значительно хуже. Кроме того, обеспечение всеобщего равенства уже не является целью государства, в котором функционируют эти институты, т.е. их неспособность его обеспечить не имеет того морального значения, которое имело в социалистическом государстве. Скажем, то, что пенсии в России маленькие и не позволяют достойно жить, воспринимается многими как серьезная проблема и несправедливость, в которой виновато государство, но это — неудача не института пенсий, а государства, не обеспечившего его эффективной работы на благо людей. С другой стороны, институт пенсий можно считать ловушкой, если мы готовы трактовать переход от советского строя к постсоветскому как изменение условий функционирования данного института, а не всей системы институтов. Во втором случае можно считать ловушкой справедливости всю совокупность постсоветских институтов, отвечающих за экономическую политику, поскольку они позиционируются государством как инструменты социальной справедливости. Не в последнюю очередь ловушкой их делает не столько то, что эти институты не отвечают задачам, которые государство с их помощью пытается решить, сколько то, что социальные ожидания в отношении этих институтов сформированы в системе социалистических ценностей или унаследованы от нее. Неравенство в пенсионном обеспечении не является ловушкой для современной России хотя бы потому, что государство не ставит цель обеспечения экономического равенства, т.е. данный институт если и обманывает ожидания, то явно не ожидания равного распределения благ.

Вторую группу составляют институты, созданные в последние двадцать лет. По большей части они создавались не ради обеспечения справедливости, а ради укрепления системы властных и экономических отношений. Но по-

сколькo от государства люди все еще ждут справедливости и определенные его действия и декларации дают основания для таких ожиданий, эти институты становятся ловушками в той мере, в какой вступают в противоречие с укорененными в обществе представлениями о справедливости (по крайней мере, за обеспечение которой общество все еще считает ответственным государство). Однако наше общество очень неоднородно в идейном плане, поэтому законы или институты, нарушающие права, ценимые одной его частью, могут не восприниматься как несправедливые (по этой причине) другими. Так, закон об иноагентах несправедлив с точки зрения той части общества, которая чувствительна к угрозе авторитаризма и тоталитаризма, но для большинства граждан не представляет проблемы, потому что не покушается на их важнейшие ценности, что позволяет государству пренебрегать справедливостью без серьезного риска для себя. Возможно, не вполне корректно квалифицировать как ловушку справедливости институт, который несправедлив для меньшинства, но это, конечно, вопрос спорный: поскольку несправедливое ущемление интересов меньшинства не ведет к нарушению гражданского мира только потому, что большинству нет дела до интересов меньшинства, порождающие это ущемление элементы системы власти все же можно считать ловушками (особенно учитывая, что расстановка ценностных приоритетов в обществе может поменяться). Однако такие институты и законы не являются ловушками в том смысле, что с ними не связаны особые ожидания в плане справедливости (это не значит, что их существование не влияет на моральную оценку государства в целом и его политики в конкретной сфере в частности).

Все менее очевидно с институтами, составляющими третью группу: это институты новой России, созданные в период ее возникновения на обломках СССР. Они обосновывались как инструменты обеспечения общественных благ и справедливости, характерных для западных демократий и не доступных или доступных в ограниченном объеме в СССР, как правило, в ущерб некоторым видам справедливости, доступным в прежнюю эпоху и все еще ценимым многими. Так, институт частной собственности создавался для обеспечения права законного владения законно приобретенным имуществом. В определенном смысле его целью также является равенство прав собственности, но он не препятствует возникновению имущественного неравенства, включая крайне несправедливые его формы в меритологическом смысле. Если государство не создает механизмы недопущения или минимизации таких видов неравенства, институт частной собственности оказывается для него ловушкой. Например, если люди не имеют равного доступа к механизмам законного приобретения собственности, вытекающее из этого неравенство (если оно значительное) выглядит вопиющей несправедливостью, так как не обусловлено неравенством приложенных усилий, имеющихся талантов, насущных потребностей и т.п. Бедные могли бы стать богаче, но эконо-

мика или политика устроены так, что у них нет такой возможности. В данном случае не ясно, насколько ловушкой для России является сам институт частной собственности: с одной стороны, он создает условия для появления несправедливого неравенства, с другой — они возникают на систематической основе, только когда нет эффективных механизмов, ограничивающих результирующее имущественное неравенство. В этом отношении ловушкой правильнее считать всю совокупность институтов и механизмов, связанных с регулированием владения, приобретения и т.п., которая не предусматривает минимизацию или компенсацию негативных моральных эффектов функционирования одного из них. Как бы то ни было, институт частной собственности, как и ряд других ключевых институтов современной России, является для нее ловушкой в плане справедливости, поскольку систематически порождает явления, оцениваемые многими гражданами как несправедливость если не сами по себе, то относительно социальных ожиданий, унаследованных от предшествующего строя.

Люди могут терпеть даже очень серьезную несправедливость довольно долго. И все же в современных условиях, когда широкие слои населения в той или иной мере вовлечены в политику или могут в ней участвовать при случае, государству не следует долго игнорировать откровенную несправедливость (в относительном смысле), порождаемую его институтами или политикой в целом. Конечно, чем больше изначальный кредит общественного доверия у власти, тем дольше люди будут терпеть несправедливости, ответственность за которые (с их точки зрения) лежит на ней. Но кредит доверия имеет ограниченное время действия, так что даже власти, которая имеет его в большом количестве, неразумно рассчитывать только на него. С другой стороны, он позволяет выиграть время для выработки наилучшего способа решения проблемы.

Государству лучше не попадать в ловушки несправедливости, вырабатывая способность их предвидеть и не допускать. Если это делается посредством создания специальных институтов — консультативного совета, например, то возникает логическая проблема: если разумной стратегией является предварительная оценка последствий учреждения института, то это должно относиться и к институтам, имеющим целью недопущение институциональных ловушек; но тогда ни один институт не может быть учрежден, если только государство не пренебрежет требованиями рациональности. Какими бы знающими ни были эксперты, привлекаемые для оценки последствий учреждения институтов, прогностический потенциал наук в их сегодняшнем состоянии не настолько велик, чтобы можно было всерьез рассчитывать эффективно обходить любые институциональные ловушки. Кроме того, для успешного предвидения необходимо обеспечить условия для беспристрастного, политически независимого применения знаний в интересах социального прогнозирования — чтобы выводы экспертов не были результатами

запугивания, манипуляций и т.п. со стороны групп, заинтересованных в определенной оценке. На данный момент государства не располагают эффективными средствами решения этой задачи, к тому же институты часто создаются в экстренном порядке (особенно на начальном этапе государственного строительства), когда нет возможности просчитать все социально значимые последствия (нет времени и слишком много переменных).

Таким образом, институциональные ловушки возникают и, скорее всего, не перестанут возникать в обозримом будущем, какие бы усилия государство ни прилагало, чтобы их избежать. Поэтому способность государства выбираться из ловушек с минимальными или сравнительно легко компенсируемыми потерями является важной политической добродетелью. Разумеется, разные результаты можно считать решением задачи — в зависимости от того, как трактуются выражения «выбраться из ловушки», «наименьшие потери» и т.п. Если брать в качестве образца ловушки капкан, рыболовный крючок или мышеловку, то мы считаем выбравшимися из нее тех, кто физически покинул опасное место. Даже устранение непосредственной угрозы смерти или пленения может не иметь решающего значения, если существо остается в ловушке, потому что угроза была ликвидирована не вследствие его усилий и сохраняется (ведь жертва это не контролирует). Между тем если животное, например, отгрызает себе лапу, чтобы выбраться из капкана, и умирает, покинув капкан, кажется естественным описывать ситуацию как «животное выбралось из ловушки ценой своей жизни» (3).

Ловушки, которые создает для нас жизнь в обществе, обычно представляют собой более сложные ситуации: угрозы, которые делают их ловушками, часто не устраняются перемещением в пространстве или во времени за границы воздействия соответствующих факторов. Так, для правителя, начавшего войну с обещаниями легкой победы и больших дивидендов, если она обернется огромными потерями, военными неудачами и общественным недовольством, оптимальным выходом было бы чудесное событие, которое прекратило войну и компенсировало все несчастья. Физически покинуть свой пост, сбежать или умереть вряд ли будет приемлемым выходом, потому что главной угрозой, делающей ситуацию ловушкой, является не угроза его жизни или свободе, а угроза его репутации, власти, политическому наследию и т.п. Кроме того, такого рода ловушки, как правило, оказываются ловушками для общества в целом.

В случае социальных, особенно институциональных, ловушек обезвреживание может быть не худшим решением, чем их ликвидация, поскольку устранение или радикальное реформирование института может создать еще больше проблем, чем его сохранение. То же относится к проблемам, источником которых является не отдельный закон или институт, а система в целом. Хотя устранение источника проблемы (института, закона, практики или си-

стемы) — очевидное решение, оно не всегда является лучшим, даже когда доступно. Под обезвреживанием обычно понимают превращение объекта в безопасный (при условии, что он был опасен), что, как правило, предполагает устранение исходящих от него угроз. В случае физического объекта это может быть изъятие поражающего элемента, перевод в безопасное состояние или помещение в среду, в которой он безопасен (нейтрализация).

Какие воздействия на институциональные ловушки могут соответствовать обезвреживанию? Либо те, что имеют целью устранение или сглаживание порождаемого ловушкой социального вреда, либо те, что фактически оказывают подобное воздействие. Но под социальным вредом институциональной ловушки можно понимать как порождаемую ей несправедливость или иной вред, так и общественную реакцию на него, имеющую негативное значение для государства или общества. Соответственно, под обезвреживанием ловушки в социальном контексте можно понимать как недопущение или минимизацию наносимого ею вреда, так и предотвращение или минимизацию негативного воздействия этого вреда, если он нанесен, т.е. сглаживание вреда.

Классический способ сглаживания социального вреда институциональной ловушки — предоставление обществу альтернативных благ сопоставимых со справедливостью в количестве, достаточном, чтобы оно перестало воспринимать социальный вред как серьезное нарушение общественного договора или — шире — оправдание разрушения гражданского мира. Государство слишком сильно ограничило личные свободы граждан — вот взамен дополнительные экономические блага. Это может сработать, но вряд ли это универсальное решение: во-первых, государство не всегда способно дать что-то сопоставимое взамен; во-вторых, это средство не надежно, так как люди могут по-разному реагировать на одну и ту же «пропорцию» утраченных и приобретенных благ.

Другой широко используемый прием — идеологическая обработка, чтобы убедить людей, что социальный вред или не вреден (а то и полезен), или приемлем как плата за что-то более ценное. Во втором случае людей надо либо убедить в том, что нечто более ценное они уже имеют или получают в будущем, либо предоставить им что-то подходящее на эту роль. Первая из этих двух стратегий, даже если оставить в стороне ее сомнительное моральное качество, не очень хорошо работает в современных демократических и мультикультурных обществах, где ценностные приоритеты могут сильно меняться со временем. Например, в США общественное сознание за довольно короткий срок изменилось настолько, что «черное» (скажем, однополые браки) стало буквально «белым». Демократическому государству трудно в полной мере контролировать эти процессы, и часто триггером изменений выступают активные общественные движения, а государство только реагирует на них — одни пытаюсь подавить, а другие поддерживая или не мешая

им. Вполне правдоподобна гипотеза, что в условиях неполного и не жесткого централизованного контроля за потоками информации радикальное изменение общественного сознания — задача, решить которую без серьезного везения невозможно.

В отсутствие альтернативного блага успех стратегии государства, как правило, зависит от наличия угрозы для всех членов общества, серьезной настолько, чтобы служить для них мобилизующим началом (основанием отказать от привычного образа жизни, пойти на жертвы и т.п.). Если угрозы нет, государство может ее создать средствами пропаганды. Но успех в этом случае также будет зависеть от того, насколько государство контролирует потоки информации, а достичь этого, не прибегая к жесткой политической цензуре, ограничению свобод личности и прочих тоталитарных средств, проблематично. Так что, хотя государства редко обходятся без идеологий, позволяющих оправдывать те действия властей, польза которых для общества не очевидна, рекомендовать эти методы вряд ли правильно, учитывая как их моральный вред, так и слабую эффективность в современных условиях.

Идея сглаживания вреда предполагает, что он нанесен, независимо от того, осознает это общество или нет. Преодоление институциональной ловушки посредством недопущения исходящего от нее вреда или его минимизации (методы нейтрализации) имеет собственную общественную ценность: даже при наличии эффективного метода сглаживания социального вреда институциональной ловушки государству лучше работать и над нейтрализацией создаваемых им ловушек, так как в изменчивых условиях общественного бытия ничто не гарантирует, что хорошо работающий в один момент метод не даст сбой в другой момент, особенно в ситуации кризиса.

Механизмы нейтрализации, как и механизмы сглаживания, могут быть институциональными или нет. Если у государства есть возможность создать специальный институт, успешно нейтрализующий социальный вред другого института, это хорошо, но, во-первых, это не всегда возможно, а, во-вторых, второй институт тоже может оказаться ловушкой или создать ее, и так до бесконечности. Вероятно, государству полезно иметь и неинституциональные средства, и самым очевидным из них, на важность которого указывали еще Платон и Аристотель, являются гражданские добродетели. Хотя важность таких неинституциональных факторов для поддержания социального мира в целом признается, современная политическая мысль слишком сильно фокусируется на институтах, считая правильно работающую их систему панацеей от социальных болезней.

Еще Аристотель [1] заметил, что даже хорошие законы не всегда хорошо работают, потому что в конкретных ситуациях могут иметь значение детали, которые в законе не оговорены, и здесь решающим фактором оказываются личные качества судящего, известные как добродетели. Некоторые считают, что институты в принципе не могут эффективно работать без добродетелей,

что можно понимать по-разному: например, то, насколько институт способен выполнять стоящие перед ним социальные задачи, зависит от личных качеств ключевых исполнителей предусмотренных им ролей; или что эффективные институты не могут быть или редко могут быть созданы недобродетельными людьми (что еще менее убедительно). Для нас важнее другой аспект: добродетельность исполнителей предусмотренных социальным институтом ролей обычно помогает нейтрализовывать некоторые виды социального вреда, вызванного его существованием, при условии, что именно ею люди руководствуются на службе. В идеале, вероятно, может существовать институт, в котором личные качества людей, влияющих на его работу, не имеют значения, или такой, в котором агентами выступают компьютерные программы или роботы. На практике поведение людей, отвечающее за функционирование институтов, может значительно варьировать, в частности, подход к исполнению своих обязанностей может быть слишком формальным или, напротив, слишком заинтересованным и предвзятым.

Оби эти крайности несут в себе угрозу возникновения несправедливости или иного социального вреда даже там, где его могло бы не быть. Формализм, при котором сознательно игнорируются реальные нужды и интересы тех, кто зависит от работы института, и предвзятость, при которой одни интересы учитываются, а другие игнорируются на основании личных, классовых, групповых предпочтений или практических соображений, могут превратить в свою противоположность любое благое или общественно полезное начинание. Поэтому широкое распространение таких подходов к выполнению своих обязанностей может превратить систему институтов в ловушку для общества. В России, к сожалению, эти два принципа традиционно широко распространены, и если с предвзятостью (когда интересы государства не затронуты) государство еще как-то борется (хотя бы декларирует борьбу), то для сдерживания формализма не делается ничего (4).

В то время как предвзятость часто граничит с нарушением правил или регламента, формалиста в этом редко можно обвинить и наказать по закону. Позволяя гражданам судиться с государством или обеспечивая обратную связь иного рода, власть может сглаживать социальный вред, порождаемый формализмом, но все же полезнее было бы иметь эффективное средство ограничения его распространения. Воспитание в гражданах определенных добродетелей является таким средством: если человек ценит справедливость или иное общественное благо само по себе, уже просто осознание им того, что его формальное или предвзятое решение в конкретном случае породит несправедливость или иное общественное зло, будет для него серьезным основанием пересмотреть свой подход. И действуя в рамках институциональной системы, являющейся ловушкой в силу своей внутренней порочности или несовершенства, добродетельный человек, способный влиять на ее работу, может снизить порождаемую ею несправедливость, например, гуманный су-

дья, вынужденный судить в соответствии с несправедливым законом, может выносить наиболее мягкие приговоры из возможных.

Если говорить о несправедливости, связанной с функционированием института частной собственности в России, то, поскольку он является важной составляющей современной экономики и сравнительно справедлив по сути, его отмена вряд ли может быть хорошим решением. Наиболее вопиющая, т.е. требующая немедленного исправления, несправедливость состоит не в неравенстве доходов или благосостояния, а в природе этого неравенства. Аналогичную несправедливость можно наблюдать в обществах, в которых нет института частной собственности или он не работает. Мы связываем появление данного вида несправедливости в современной России с созданием института частной собственности не потому, что считаем его ответственным за несправедливость подобного вида, а потому что общественные ожидания, сформированные в предшествующий период, оказались обмануты системой, в основе которой лежит институт частной собственности. Это, конечно, не значит, что соответствующей несправедливости не было при советском строе, но до определенного времени она не была настолько вопиющей по разным причинам. На закате советской эпохи многочисленные привилегии партийной и советской номенклатуры сильно раздражали людей, и система распределения благ выглядела несправедливой и по эгалитаристским, и по меритологическим меркам, что, возможно, стало одной из причин коллапса СССР. Но именно советская власть последовательно убеждала граждан СССР в том, что справедливость, прежде всего в сфере распределения, есть важнейшая общественная ценность, и сформировала у граждан ожидания, в силу которых они рассматривали новую капиталистическую систему институтов как средство обеспечения распределительной справедливости. И когда эти ожидания не оправдались, и несправедливости в данной сфере стало еще больше, виноватым оказался капитализм.

Почему в постсоветской России не созданы институты, нацеленные на снижение несправедливой диспропорциональности доходов и уровня жизни, — отдельный вопрос, на который мы не будем пытаться ответить (5). Идеологических и пропагандистских ресурсов для эффективного сглаживания воздействия на общества этого социального вреда у государства не хватает (иногда кажется, что соответствующие механизмы работают, но лишь потому, что общество пока готово мириться со сложившимся положением вещей), и неинституциональные формы нейтрализации данной ловушки могли бы стать действенным решением. Даже если вся система, скажем, экономических отношений устроена так, чтобы не препятствовать появлению или сохранению определенных форм несправедливости, человек, у которого есть власть, может своими действиями снизить количество этой несправедливости, если он в этом заинтересован. Так, глава крупной корпорации мог бы отказаться получать сверхбольшую зарплату, если она несоразмерна его роли

в производстве, чиновники могли бы менее формально подходить к своим обязанностям и учитывать реальные интересы людей, законодатели могли бы тщательнее подходить к принятию законов, проверяя их на совместимость с основными или наиболее распространенными в обществе требованиями справедливости и т.д. Добродетели являются универсальным мотиватором — как внутренним (для человека действовать определенным образом становится естественно), так и внешним (образцы, которым принято следовать). Человек, для которого справедливость — одна из высших ценностей, будет заботиться о том, чтобы его решения не стали причиной серьезной несправедливости, а также чтобы исправлять таковую там, где это в его власти.

Если государство всерьез решает прибегнуть к этому средству, это может стать как хорошей, так и плохой новостью: хорошей — потому что развитие таких форм обеспечения справедливости ценно и само по себе (как добродетель), и как альтернативное средство решения социальных проблем; плохой — потому что слишком легко, прикрываясь заботой о воспитании гражданских добродетелей ради исправления институциональных пороков, решать совершенно другие задачи, например, идеологические.

Помимо опасности подмены целей, воспитание добродетелей как инструмент государства еще и не очень эффективен: воспитание — задача со столькими неизвестными, что никогда нельзя быть уверенным, что результат будет в достаточной мере отвечать ожиданиям. Тем не менее, история дает примеры сравнительно успешных проектов такого рода. Так, в СССР прилагались серьезные усилия по воспитанию правильного советского человека: жизненные ценности и установки большинства советских людей, по крайней мере до периода «застоя», существенно отличались от таковых у жителей капиталистических стран. Однако эта система, фактически сделавшая подвиг и героизм нормой жизни, не помешала советской модели деградировать (в том числе в плане справедливости, которую она была призвана обеспечить в первую очередь). И, разумеется, советское воспитание не мешало людям творить несправедливости (например, нарушение прав человека, осуждение без достаточных оснований и т.п.), которые они либо не воспринимали как несправедливости, либо оправдывали (в силу того же воспитания). Советское воспитание не было воспитанием добродетелей в классическом смысле — т.е. воспитанием качеств, имеющих универсальную общественную ценность. Если бы его целью было именно это, то неспособность воспрепятствовать массовым проявлениям несправедливости можно было бы считать его провалом, так как классические добродетели (в основных этических системах Запада, предусматривающих корреляцию между моральными качествами и добродетелями) обязательно включают общую справедливость как неприятие любых форм несправедливости. В царской России за воспитание добродетелей отвечала в основном религия, но, поскольку религиозное воспитание было частью государственной системы образования, она стала важной ча-

стью государственной стратегии поддержания социального мира и порядка, что не мешало системе быть во многих отношениях несправедливой.

С одной стороны, неудачи связаны с несовершенством или даже порочностью идеологии, лежавшей в основе этих систем воспитания: если бы людям прививали любовь к подлинным ценностям, справедливости, неприятию любых форм несправедливости, результаты были бы иными. Но, во-первых, ни у кого нет монополии на знание того, в чем состоит полнота справедливости или какие из вызывающих недовольство людей вещи следует считать несправедливыми, т.е. ни о какой реальной системе воспитания мы не можем уверенно сказать, отвечает она приведенному выше идеалу или нет. К тому же мы говорим о справедливости в относительном смысле, и уместно добродетель справедливости трактовать аналогичным образом — как набор качеств, ценимых в конкретном обществе в определенный исторический период (не обязательно в силу исключительной общественной полезности каждого из них, как полагал Д. Юм) (6). Применительно к приведенным примерам легко сказать, что системы воспитания не были рассчитаны на обеспечение справедливости, которая воспринималась многими как важная ценность и идеал общественного устройства. Тем не менее, какую систему воспитания добродетелей, реализованную в конкретном обществе, ни возьми, всегда найдется несправедливость, с которой она не позволяет эффективно бороться. Либо мы должны отказаться от использования данного метода, поскольку он несовершенен, либо, если мы признаем его в целом полезным, следует ориентироваться на иные параметры сравнительной оценки качества образовательных систем как инструментов воспитания добродетелей.

С другой стороны, может быть роль добродетелей в борьбе с несправедливостью переоценена? Нередко качества, считающиеся добродетелями, больше мешают, чем способствуют утверждению справедливости в той или иной сфере. Например, во многих традиционных обществах в основе воспитания лежит деление на женские и мужские добродетели, соответствующее делению на мужские и женские социальные роли; такая система не будет способствовать утверждению справедливости в виде равенства начальных возможностей. Тем не менее, это не значит, что никакие добродетели и система, нацеленная на их воспитание, не могут быть эффективным инструментом установления справедливости или борьбы с несправедливостью. К тому же есть очевидная разница между ролью добродетели как качества, которым субъект уже обладает, и ролью добродетели как ценности, прививаемой гражданам. Эффективность второй зависит от качеств системы воспитания, а первой — от качеств самой добродетели, ее отношения к справедливости. Если добродетели, которые человек практикует, исполняя свои обязанности, являются частью системы ценностей, включающей справедливость, он будет стараться быть справедливым в соответствующих делах. Но если государство прививает гражданам определенные добродетели, то,

даже если они полностью подчинены идее справедливости, это не гарантирует, что граждане будут справедливы, так как система воспитания может иметь изъяны.

Другая проблема коррекции институциональной несправедливости посредством личных добродетелей состоит в том, что у разных слоев, классов и групп часто бывают разные, иногда противоречащие друг другу, представления о том, какие качества являются добродетелями, а какие пороками. Стандартизованная система государственного образования не может устранить эти разногласия, поскольку альтернативные идеологии продолжают воздействовать на обучающихся, и кто на какие идеалы будет ориентироваться, зависит скорее от частных обстоятельств и даже удачи, чем от системных свойств образовательных институтов. Кроме того, современные системы ориентированы скорее на образование в узком смысле снабжения полезной информацией и развития полезных компетенций (далеко не обязательно включающих добродетели), чем на воспитание морально ответственного гражданина (7). С другой стороны, подавление государством альтернативных точек зрения на жизненные ценности и выхолащивание свободы мысли в современном мире воспринимаются как проявления вопиющей несправедливости. Разумеется, можно создать социальные фильтры, которые обеспечивали бы доступ к важным должностям только или в основном тем, кто воспринял «правильные» идеи, что в той или иной мере делается во многих странах, но это тоже вид дискриминации, а, значит, несправедливости.

Поскольку запрос на справедливость сохраняется, а институциональные решения проблемы институциональной несправедливости не реализуемы или неэффективны, в интересах государства вложиться в воспитание добродетелей, которые могли бы компенсировать или снизить производимую ею институтами несправедливость. Конкретный набор добродетелей должен определяться ситуацией — тем, какие формы несправедливости создают наибольшие риски социальной нестабильности и какие личные качества могли бы изменить ситуацию к лучшему при сохранении существующей системы институтов. Обладание двумя качествами кажется необходимым, но вряд ли достаточным условием эффективности данного решения: предпочтение справедливости (и тех ее форм, которые в наибольшей степени отвечают текущим запросам общества) и милосердие. Последнее важно, поскольку справедливое решение может быть ошибочным (основанным на правильном принципе, но неверной информации), и милосердие позволяет минимизировать его негативные моральные и социальные последствия. Разумеется, добродетели тоже не являются панацеей, поскольку, скажем, милосердие, будучи в целом полезным, если кто-то пострадал от справедливого, но ошибочного решения (не говоря уже о несправедливом), будет вредным, если кто-то не заслуживает мягкого отношения с точки зрения норм морали. Но это все же лучше, чем ничего.

В современной российской политике господствует представление, что институты решают все, но при этом институциональные решения ряда серьезных проблем, связанных с потребностью людей в справедливости, не реализуются. Совершенно игнорировать роль неинституциональных факторов в производстве социальных благ, включая справедливость, и ничего не делать для совершенствования морали не разумно, так как это исторически зарекомендовавший себя инструмент гармонизации социальных отношений. Мы не призываем интегрировать религиозное воспитание в систему государственного образования или вводить строгую политическую цензуру — в современных условиях эти меры с большой вероятностью будут иметь обратный желаемому эффект. Но разработка и внедрение единой программы обучения справедливости и милосердию (учитывающей культурные различия), включая объяснение их принципиального значения для общества и каждого его члена, как бы наивно это ни звучало, — тот минимум, который вполне осуществим.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-511-44003 «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации»

Примечания

- (1) Проблемы предсказания социальных последствий даже сравнительно простых действий, не говоря уже о таких сложных воздействиях, как учреждение нового института или принятие нового закона, хорошо известны: в самых общих чертах, это задача со слишком большим числом неизвестных.
- (2) Под вредом и пользой можно понимать разные вещи, например, количество понесенных потерь и приобретенных благ определенных видов. Однако одно и то же количество конкретного блага или зла может иметь разное значение для разных субъектов в разных ситуациях. Соответственно, для ловушки характерно не столько количественное превосходство результирующего зла над заманивающим благом, сколько его большая негативная ценность для тех, кто попал в ловушку. Важно также учесть степень влияния людей, чьи ожидания оказались обмануты, на общественное сознание. С другой стороны, понятия пользы и вреда могут включать сравнительные ценности составляющих их благ или зол; тогда в таком дополнении определения нет необходимости.
- (3) Если ценой устранения угрозы является что-то столь же ценное, как и то, на что была направлена угроза, ситуации, когда угроза устранена такой ценой, могут не выглядеть решением проблемы. С этой точки зрения неправильно говорить тому, кто заплатил такую цену, что он выбрался из ловушки, так как выбраться значит решить проблему. Это возражение базируется на широкой трактовке слова «выбраться» — не просто избавиться от угрозы, но и не заплатить за это слишком высокую цену. Мы используем более узкую трактовку, которая охватывает только ситуации устранения угрозы (усилиями субъекта или хотя бы частично благодаря его усилиям).
- (4) В советское время его иногда высмеивали в средствах массовой информации, т.е. люди понимали, что так поступать не хорошо.
- (5) Скорее всего, причина не только в том, что наша власть так сильно ценит дух капитализма, что готово пожертвовать ради него социальной справедливостью. Возможно, введение таких институтов для власти сопряжено с большим риском, чем сохранение

или усиление несправедливости в сфере распределения (например, если те, чьи интересы пострадают, имеют более непосредственное и сильное влияние на политику, чем широкие массы, страдающие от соответствующей несправедливости). Может быть, власть считает, что располагает столь большим кредитом доверия, что может позволить себе не думать даже о видимости справедливости данного вида.

- (6) Скажем, если бы все или большинство граждан воздерживались от секса, для государства, у граждан которого нет других способов производить потомство, это было бы скорее вредно, чем полезно (по совокупности воздействий). Тем не менее, воздержание может быть высоко ценимой гражданами добродетелью, если они религиозны, и религия трактует секс как грех.
- (7) В определенном смысле добродетели можно квалифицировать как полезные для общества компетенции. Но в современном государственном образовании акцент сделан на знаниях и умениях, полезных для индивида как субъекта экономических отношений, — тех, что позволяют ему достичь определенного уровня благосостояния и социального положения. Полезность для общества редко определяет выбор преподаваемых знаний или умений, если только речь не идет об обучении особым профессиям для производства общественного блага или об идеологической обработке.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983.
2. *Балацкий Е.В.* Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // Журнал экономической теории. 2012. № 2.
3. *Будович Ю.И., Будович М.С.* Развитие исследований из области теории институциональных ловушек и классификация ловушек // Вестник Финансового университета. 2013. № 5.
4. *Верников А.В.* Концепция институциональных ловушек: попытка применения к анализу нового института. М., 2020.
5. *Гапоненко С.С.* Политическая справедливость: становление понятия // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1.
6. *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001.
7. *Ивлева М.Л., Курмелева Е.М., Рудановская С.В.* Человек и общество в контексте современности // Вопросы философии. 2018. № 4.
8. *Канарш Г.Ю.* Справедливость // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1.
9. *Кант И.* Сочинения: в 4 т. Т. 1: Трактаты и статьи (1784-1796). М., 1993.
10. *Кашиников Б.Н.* Либеральная теория справедливости и политическая практика России. Великий Новгород, 2004.
11. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М., 2009.
12. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.—Екатеринбург, 2000.
13. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008.
14. *Орехов А.М.* Справедливость как базисный принцип устройства общества: путь к очевидности // Вопросы философии. 2010. № 9.
15. *Платон.* Государство. СПб., 2005.
16. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
17. «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М., 2011.
18. *Прокофьев А.В.* Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости. М., 2013.
19. *Прокофьев А.В.* Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула, 2006.
20. *Прокофьев А.В.* Человеческая природа и социальная справедливость в современном этическом аристотелианстве // Этическая мысль. 2001. Вып. 2

21. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
22. Сен А. Идея справедливости. М., 2016.
23. Троцук И.В. Как возможна социология эмоций, и что она дает для понимания счастья и справедливости // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
24. Троцук И.В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.
25. Штомпка П. Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6.
26. Chernyak A. Egalitarian distributive justice and reasoning luck // Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities, 2016.
27. Do Quy-Toan. Institutional Trap. Policy Research Working Paper WPS 3291. Washington, 2004.
28. Gradstein M. Institutional traps and economic growth // International Economic Review. 2008. Vol. 49. No. 3.
29. Hatzis A. Greece's institutional trap // Managerial and Decision Economics. 2018. Vol. 39. No. 8.
30. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. N.Y., 1990.
31. Nussbaum M. Beyond the social contract: Capabilities and global justice // The Political Philosophy of Cosmopolitanism / G. Brock, H. Brighouse (Eds.). Cambridge, 2005.
32. Nussbaum M.C. Human functioning and social justice: In defense of Aristotelian essentialism // Political Theory. 1992. Vol. 20.

Idea of justice as a social trap for Russia*

A.Z. Chernyak, M.L. Ivleva, A.M. Orekhov

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: cherniak_az@rudn.ru; ivleva-ml@rudn.ru; orekhov_am@rudn.ru)

Abstract. This article is a result of its authors' participation in the round table "Justice and Lawmaking" of the subproject "Ethics and Law: Mechanisms of Mutual Influence" of the HSE project "Applied Ethics" in the State Duma on December 1, 2021. The article considers social issues associated with the justice institutions, which are conditionally named institutional traps (an economic term). The authors focus on how these 'traps' work in contemporary Russia and how it is possible to get out of them. The article presents the contemporary discourse on social justice, which is characterized by a variety of concepts and a wide thematic field, and provides a definition of the institutional trap modified for the article's tasks — a combination of social institutions, which being implemented leads to the results radically different or even opposite to the expected when designing such institutions. The authors argue that a trap is a result of the institution or a combination of institutions created to ensure justice of a certain kind or in accordance with a certain idea, when such an institution or combination leads to both justice (or other comparable public good) and clear injustice. This is a trap for society, because its expectations are deceived, and for the state, because it gets new social problems to be solved. The authors believe that what makes institutions an institutional trap is not only the fact that they do not cope with their tasks, but also do not meet social expectations determined by the system of previous values or inherited from

* © A.Z. Chernyak, M.L. Ivleva, A.M. Orekhov, 2022

The article was submitted on 02.02.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

it. The authors conclude that institutional solutions (creation of new institutions, modernization of existing ones) do not guarantee the desired result; we need a single educational program for promoting justice and mercy (taking into account cultural differences), which would explain their fundamental importance for society and its every member.

Key words: justice; model of justice; project of justice implementation; institution; institutional trap; exploitation; discrimination; Russia

Funding

The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-511-44003 “Social knowledge: Challenges of the contemporary technogenic civilization”

References

1. Aristotle. *Politika* [Politics]. *Works* in 4 vols. Vol. 4. Moscow; 1983. (In Russ.).
2. Balastsky E.V. *Institutsionalnye i tekhnologicheskie lovushki: analiz idey* [Institutional and technological traps: Analysis of ideas]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. 2012; 2. (In Russ.).
3. Budovich Yu.I., Budovich M.S. *Razvitie issledovaniy iz oblasti teorii institutsionalnykh lovushek i klassifikatsiya lovushek* [Development of research in the field of theory of institutional traps and classification of traps]. *Vestnik Finansovogo Universiteta*. 2013; 5. (In Russ.).
4. Vernikov A.V. *Konseptsiya institutsionalnykh lovushek: popytka primeneniya k analizu novogo instituta* [Concept of institutional traps: Application to the analysis of new institutions]. Moscow; 2020. (In Russ.).
5. Gaponenko S.S. *Politicheskaya spravedlivost: stanovlenie ponjatiya* [Political justice: Development of the concept]. *Srednerussky Vestnik Obshchestvennykh Nauk*. 2015; 1. (In Russ.).
6. Hobbes T. *Leviathan* [Leviathan]. Moscow; 2001. (In Russ.).
7. Ivleva M.L., Kurmeleva E.M., Rudanovskaya S.V. *Chelovek i obshchestvo v epohu sovremennosti* [Person and society in the era of modernity]. *Voprosy Filosofii*. 2018; 4. (In Russ.).
8. Kanarsh G.Yu. *Spavedlivost* [Justice]. *Filosofskaya Antropologiya*. 2018; 4 (1). (In Russ.).
9. Kant I. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. *Traktaty i pisma (1784-1796)*. Moscow; 1993. (In Russ.).
10. Kashnikov B.N. *Liberalnaya teoriya prava: praktika Rossii* [Liberal Theory of Law: Russian Practice]. Vilikey Novgorod; 2004. (In Russ.).
11. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises on Government]. Moscow; 2009. (In Russ.).
12. Macintyre A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya po teorii morali* [After Virtue: Studies in Moral Theory]. Moscow–Ekaterinburg; 2000. (In Russ.).
13. Nozick R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow; 2008. (In Russ.).
14. Orekhov A.M. *Spravedlivost kak bazisnyi printsip ustroystva obshchestva* [Justice as a basic principle of social organization]. *Voprosy Filosofii*. 2010; 9. (In Russ.).
15. Plato. *Gosudarstvo* [State]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
16. Polterovich V.M. *Institutsionalnye lovushki i ekonomicheskie reformy* [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i Matematicheskie Metody*. 1999; 35 (2). (In Russ.).
17. “Pravda”: *diskursy spravedlivosti v russkoj intellektualnoj istorii* [“Truth”: Discourses of Justice in the Russian Intellectual History]. Moscow; 2011. (In Russ.).
18. Prokofiev A.V. *Vozdadim kajdomy dolzhnoe. Vvedenie v teoriyu spravedlivosti* [Meting out Justice: Introduction to the Theory of Justice]. Moscow; 2013. (In Russ.).
19. Prokofiev A.V. *Spravedlivost i otvestevennost: sotsialno-eticheskie problemy v filosofii morali* [Justice and Responsibility: Philosophical-Ethical Issues in Moral Philosophy]. Tula; 2006. (In Russ.).
20. Prokofiev A.V. *Chelovecheskaya priroda i sotsialnaya spravedlivost v sovremenom eticheskom aritotelianstve* [Human nature and social justice in contemporary ethical Aristotelianism]. *Eticheskaya Mysl*. 2001; 2. (In Russ.).
21. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Novosibirsk; 1995. (In Russ.).
22. Sen A. *Ideya spravedlivosti* [The Idea of Justice]. Moscow; 2016. (In Russ.).

23. Trotsuk I. Kak vozmozhna sotsiologiya emotsiy i chto ona daet dlya ponimaniya schastja i spravedlivosti [How sociology of emotions is possible, and how it helps to understand happiness and justice]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
24. Trotsuk I.V. Spravedlivost v sotsiologicheskom diskurse: semanticheskie, empiricheskie, istoricheskie i kontseptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges]. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
25. Sztompka P. Spravedlovost [Justice]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2017; 6. (In Russ.).
26. Chernyak A. Egalitarian distributive justice and reasoning luck. *Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities*; 2016.
27. Do Quy-Toan. *Institutional Trap. Policy Research Working Paper WPS 3291*. Washington; 2004.
28. Gradstein M. Institutional traps and economic growth. *International Economic Review*. 2008; 49 (3).
29. Hatzis A. Greece's institutional trap. *Managerial and Decision Economics*. 2018; 39 (8).
30. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. New York; 1990.
31. Nussbaum M. Beyond the social contract: Capabilities and global justice. *The Political Philosophy of Cosmopolitanism*. G. Brock, H. Brighouse (Eds.). Cambridge; 2005.
32. Nussbaum M.C. Human functioning and social justice: In defense of Aristotelian essentialism. *Political Theory*. 1992; 20.